

Вечерняя трапеза, как и ожидалось, не была предложена, но, к счастью, почти все в этом храме понимали ханьский язык, так что, расспросив то там, то сям, Вэй Чи удалось-таки раздобыть еды. Выходя из трапезной, он уже начал беспокоиться о завтрашнем утреннем приеме пищи.

— Вечером нас не покормили из-за праздничных обрядов, господин. Завтра утром еду обязательно принесут.

Вэй Чи улыбнулся добродушному молодому монаху. Он хотел было выведать побольше, но побоялся показаться назойливым, поэтому, полный вопросов, вернулся в свои покои. Помещение, отведенное ему, было весьма просторным, даже у Чэнь Ху нашлась отдельная комната, пусть и небольшая. Несмотря на то что весь день они провели сидя, дорога утомила их, и, совершив омовение, Вэй Чи отдал приказ отдыхать. Чэнь Ху, которого разморило от грибного супа в трапезной, тут же отправился спать.

Посреди ночи, в какой именно час — неизвестно, Чэнь Ху проснулся и сквозь полудрему увидел, что в комнате Вэй Чи все еще горит свет. Он вздохнул: наверняка господин снова за бумагами. Чэнь Ху не раз советовал ему беречь здоровье, но тот лишь улыбался в ответ. В конце концов, ему всего семнадцать, и такая самоотверженность вызывала невольное уважение. Понимая, что уговоры бесполезны, Чэнь Ху молча понаблюдал за ним через щель в двери, а затем, вернувшись, заварил свежего чая и на цыпочках вошел, чтобы заменить остывший. Проходя мимо, он заметил, что Вэй Чи, нахмурившись, не отрываясь пишет, даже не подняв головы.

На следующее утро, когда Чэнь Ху только успел приготовить чай, Вэй Чи уже был на ногах.

— Дел ведь нет, господин, почему бы вам еще немного не отдохнуть?

— Привычка, — Вэй Чи взял полотенце и приложил к лицу. — Чэнь Ху, раз уж эти два дня ты свободен, я взял с собой Троесловие. Выучи его наизусть, на обратном пути я буду тебя спрашивать.

— А? — Чэнь Ху был родом из коридора Хэси, места богатого. Говорят, в бедных краях живут лишь упрямцы, но там за сотни лет никаких упрямцев не водилось. Сам Чэнь Ху, хоть и выглядел грозно, на деле был из тех, у кого при виде битвы колени дрожат и бежать хочется. Зато в тех краях водились деньги, поэтому каждый ребенок хоть немного, да учился в школе. Чэнь Ху знал лишь пару сотен иероглифов, но это все же лучше, чем быть совсем неграмотным. Именно поэтому он годами и прозябал в арьергарде, занимая ни то ни се — должность младшего офицера.

Разумеется, Чэнь Ху не был рожден для наук, и заставить его выучить Троесловие за два дня было сродни жестокой пытке.

Стоя с книгой в одной руке и завтраком в другой, он был готов расплакаться. Вэй Чи рассмеялся и похлопал его по плечу:

— Это несложно, учи прилежно.

Покончив с едой, Вэй Чи оставил мученика наедине с его горем, взял чайную чашку и вернулся в спальню, чтобы немного отдохнуть. Следовать за Сяньлуань в главный зал... Цицигэ, почему ты не написала время? Из-за тебя я боюсь даже нос высунуть...

Не успел Вэй Чи задремать, как в комнату ворвалась толпа монахов. Он уставился на них, а затем на Чэнь Ху, который неуклюже пробирался следом. Обменявшись взглядами, Чэнь Ху наконец пришел в себя:

— Господа, что вам угодно?

Старший монах сделал приглашающий жест.

Приглашение в ловушку? Вэй Чи поднялся с мягкого матраса, размышляя, не собираются ли эти степные монахи сварить его с грибами на ужин. Видя, что они молчат, он решил, что раз уж он теперь черепаха в кувшине, то стоит держаться с достоинством. Вэй Чи стряхнул пыль с рукавов и, сохраняя невозмутимый вид, направился к выходу.

— Господин... — Чэнь Ху, видя, как Вэй Чи изображает «черепаху», заволновался.

— Иди, учи книгу, — бросил Вэй Чи.

Выйдя, он оказался зажат между монахами. Его вели около двух четвертей часа, и когда они наконец вышли из внутренних покоев в сад, Вэй Чи окончательно сбился с толку. Монахи не останавливались, шагая все быстрее. Вскоре дорога стала подозрительно знакомой — постойте, это же та самая площадь, по которой они шли вчера!

Соэрхахань, только спустившись из главного зала, издалека заметил человека у ворот дворца. Вид у того был весьма величественный.

— Заждались, — Соэрхахань прибавил шагу.

Человек сохранял суровое выражение лица.

— Вчера был ужасно занят, не смог уделить вам должного внимания. Сегодня выдалось свободное время, решил показать вам дворец Фроладамо. А тут, как назло, встретил старого знакомого, заговорились, вот и опоздал. Вчерашнее письмо помогло? Вижу, вы держитесь вполне уверенно. Как отблагодарите?

Человек стал еще суровее:

— Мой стражник забыл передать мне письмо...

— ...

— Так что благодарность отменяется.

— Вчера я вас напугал, господин Вэй, — Соэрхахань с трудом сдерживал смех.

— Еще как напугал! — Вэй Чи вздохнул.

— Жаль, жаль. Знал бы я, что у вас душа в пятки ушла, присмотрелся бы повнимательнее. Пропустил такое зрелище! — Соэрхахань тоже театрально вздохнул.

— Пойдемте! Не хочу позориться у ворот! Эти двое стражников смотрят на меня так долго, что я скоро не выдержу! — Вэй Чи в сердцах махнул рукавом.

Соэрхахань заметил, что стражники и правда смотрят с нескрываемым любопытством, и, перестав дразнить гостя, повел его внутрь. Оглядываясь по сторонам, Вэй Чи пожалел, что вчера не успел рассмотреть этот храм как следует. Было еще рано, солнце пряталось за облаками, и весь дворец тонул в мягком красноватом свете, окутанный тайной и величием. Лишь поднимаясь по ступеням, он понял, почему Соэрхахань привел его к главным воротам: с каждым шагом свет становился ярче, а когда они преодолели более трехсот ступеней и оглянулись, то увидели, что темный сад внизу полон причудливых цветочных теней. Плиты перед воротами, на которых они стояли, оказались украшены резьбой в виде птичьих перьев и облаков, казалось, будто стражники стоят прямо в воздухе. В конце лестницы возвышался величественный храм, над входом в который красовалась надпись на языке Моань, инкрустированная золотом.

— Храм Сомэньнона, Храм Света. Каждое утро именно он встречает первый луч солнца, — Соэрхахань указал на террасу в углу храма. — Видите тот золотой колокол и монаха? Когда первый луч солнца проходит сквозь золотое кольцо и падает на колокол, монах ударит в него. После этого зазвонят колокола во всех храмах, и начнется новый день.

Вэй Чи поднялся на террасу вслед за Соэрхаханем и увидел монаха, застывшего, словно золотой петух, с молотом в руках. Он смотрел на север. Вдали, среди горных вершин, клубилось море облаков, меняя цвета. Вдруг луч зари пронзил облака и упал на террасу, и в тот же миг монах взмахнул золотым молотом.

Дон! Звук колокола, казалось, пронзил тело и отозвался в самой душе!

Дон! Дон! Дон! Глубокий гул колокола огласил землю, и в этом торжественном звуке солнце, будто вдохновленное, вырвалось из хаоса облаков.

Дон! Двенадцатый удар! Солнечный свет с удвоенной силой залил долину, являя миру великолепии дворца Фроладамо. Под эхо колоколов Соэрхахень взял Вэй Чи за руку и подвел к перилам из белого нефрита. С грохотом распахнулись ворота дворца, и паломники, что с утра ждали у подножия горы, поползли внутрь на коленях. Из всех храмов донеслось пение сутр, сливаясь со звоном колоколов и священным солнечным светом, возносясь прямо к небесам.

— Дворец Фроладамо — Священный зал, название оправдано! — Вэй Чи приложил руку к груди.

Соэрхахень посмотрел на его спокойное лицо:

— Вы тоже хотите стать верующим?

— О нет! — Вэй Чи повернулся к нему с улыбкой. — Думаю, я уже стал.

Они рассмеялись и направились внутрь храма Сомэньнона. Внутри не было статуй богов, лишь ряды полотнищ с вышитыми сутрами, которые, как оказалось, были привязаны к ветвям гигантского дерева.

— Боги! В этом храме растет такое огромное дерево? — Вэй Чи был поражен. — Неужели храм построен прямо на земле? Но снаружи такая высокая лестница, фундамент не должен быть тонким!

Пока Вэй Чи удивлялся, вошли монахи и открыли окна, отчего внутри стало светло. Огромное дерево расправило ветви, слегка подрагивая от ветерка. Вэй Чи посмотрел вверх: крыша была открыта, и верхушка дерева уходила в небо. На каждом ярусе крыши были барельефы богинь, держащих зеркала — и, к изумлению Вэй Чи, зеркала были настоящими! Они отражали свет из окон, освещая даже самые высокие ветви.

— Поразительно! — Вэй Чи указал на зеркала. — Они отражают свет так отчетливо, хотя до верха не меньше двадцати чжанов!

— Вовсе нет, — тихо сказал Соэрхахень. — Некоторые из них — зеркала, другие — стекло из угольного камня. Разве хватило бы одного света из окон?

Слишком высоко, Вэй Чи не мог рассмотреть детали, поэтому спросил:

— А если камнепад или что еще, зеркала не бьются?

— На каждом ярусе есть небольшие карнизы, да и закреплены они по-разному. Стекла стоят вертикально, так что повреждения случаются редко.

Вэй Чи еще немного понаблюдал:

— Что появилось раньше: дерево или храм? Неужели дерево пробило крышу, когда росло?

— Опять вы гадаете! Крыша не закрыта! По мере роста дерева храм надстраивали ярус за ярусом. А что было первым — угадайте сами, вы ведь такой умный, господин Вэй.

У Вэй Чи затекла шея, он опустил голову и рассмеялся:

— А что это за дерево?

— В любом случае, не плодовое! Пойдемте, скоро придут паломники, пройдем внутрь.

У Храма Света три стены были глухими, а четвертая примыкала к горе, поэтому черного хода не было. Они вышли через боковую галерею и направились на юг. В отличие от северной части, где жил Вэй Чи, здесь стояло лишь одно здание, но невероятно высокое — такие в Срединных землях строили только в виде пагод. Здание было белоснежным, окруженным бассейнами, и выглядело величественно.

— Дворец Аньдалина.

— Что это значит?

— Обитель богов.

— Обитель богов... — пробормотал Вэй Чи. — Как новый верующий, должен ли я кланяться на каждом этаже?

Созрхахань приподнял бровь:

— Хорошая мысль. Впервые здесь — будьте почтительны. Только не пропустите ни одного из тринадцати тысяч трехсот тридцати божеств, хорошо?

— Тогда я лучше поклонюсь один раз здесь, снаружи, и почту всех богов разом. — Он собрался опуститься на колени.

Созрхахань поспешно подхватил его под локти:

— Хватит, хватит! Не дурачьтесь! С вами просто нет сладу.

Поскольку они уже были на склоне горы, лестница стала пологой. Вэй Чи на глаз прикинул — тоже около трехсот ступеней.

— Вы очень любите тройку.

— Буддисты Моаня верят, что все сущее рождено тремя духами и тремя образами. Три духа — это дух неба, дух земли и дух созерцания. Три образа — это образ вещей, образ качеств и образ принципов. Три духа, смешиваясь, дают жизнь вселенной. А три образа... если кратко: мы с вами — образ вещей, время и пространство — образ качеств, смена времен года — образ принципов. Когда эти три образа стабильны, вселенная устойчива. Две тройки — это все сущее, а ступеней, по которым вы только что поднялись, триста тридцать.

— А почему божеств не тринадцать тысяч триста?

— Две тройки означают стабильность. А что такое нестабильность? Это оставшаяся тройка — переменная.

— Переменная?

— Если образы и духи неизменны, разве не будет мир бесконечно вращаться в цикле рождения и смерти? Как в Срединных землях: после Цзинь приходит Чжао, после Чжао — снова Цзинь? Если так, откуда взялась Великая Ци? Или вы: Вэй Чи до рождения, Вэй Чи после смерти... Разве не было бы все едино? Храм строится на стабильности, но поклоняются в нем переменам. Именно из-за перемены Вэй Чи уникален в это мгновение. Это и есть переменная.

— Благодарю за наставление! — Вэй Чи сложил руки в приветствии. — Интересно, какими обязанностями наделены последние тридцать божеств, раз они отвечают за перемены?

Они умылись перед храмом и, согласно обычаю, сняли обувь и головные уборы. Монах у входа протянул Вэй Чи синюю накидку, чтобы тот надел ее поверх официального халата.

— Зачем это?

— Войдя в храм, вы становитесь одним из множества существ, поэтому прошу вас надеть грубую ткань в знак смирения.

Вэй Чи украдкой указал на Созрхахана:

— Почему ему не нужно?

Монах улыбнулся, не ответив, и отступил с поклоном. Вэй Чи не стал настаивать и пошел за Созрхаханом внутрь.

Внутри зал был белым, чем-то напоминая храмы Срединных земель: в центре — божества, вокруг — мягкие матрасы для паломников. Первый этаж был огромен, в центре восседала Мать Земли — Чжатэле. В правой руке она держала ростки ячменя, в левой — мертвую лошадь, на плече сидел гриф, язык ее был высунут, а под ногами — огненный зверь. Статуя была золотой, руки — ярко-красными.

— Не похоже на наши храмы, у нас божества добрее.

— Мать Земли управляет жизнью и смертью: правая рука — жизнь, левая — смерть. Ячмень — плоть бога, лошадь — душа бога. Жизнь начинается с плоти и заканчивается распадом души, это и есть цикл. Гриф — голос бога, означающий, что богам известно все. Язык, опущенный вниз, напоминает, что жизнь приходит из земли и в землю возвращается. Золото — безграничность буддийского закона, красный — кровь. Жизнь и смерть рождаются из божественной силы и смертной плоти. Зверь под ней — Мапу, ее страж. А десять тысяч малых бодхисатв вокруг — это те, кто помогает Матери Земли управлять миром. У кого какая нужда, тот идет к соответствующему бодхисатве.

Паломники, тоже в синих накидках, входили в зал, кланяясь на каждом шагу. Подойдя к бодхисатве, они доставали из-под накидки зернышко и клали в сосуд перед матрасом. Вскоре зал заполнился людьми, но никто не молился Чжатэле. Вэй Чи взглянул на грозный лик богини и подумал: жизнь и смерть — это то, о чем не просят.

Они поднялись на второй этаж. Статуи здесь были не добрее. По совету Соэрхахана Вэй Чи покрутил молитвенный барабан у не приметной статуи.

— За что отвечает этот бодхисатва?

— За спокойный путь.

Вэй Чи взял Соэрхахана за руку, и они вместе покрутили барабан:

— Ваше Высочество, вам это тоже нужно.

Первые два этажа были широкими, но выше они пошли медленнее.

— Сколько всего этажей?

— Девять.

— Ого! — Вэй Чи вытер пот со лба. — Я думал, они расположены по старшинству, но, кажется, это не так.

— У богов свои обязанности, нет старших и младших. Порядок основан на трех мирах.

— Вы знаете, мои познания в дхарме скудны, а в здешних учениях — и подавно. Расскажите подробнее.

— Каждые три этажа — это мир. Первый — Мир Потока. Мать Земли, царь Амолунь, царь Каталю — боги, управляющие этикой, они живут здесь. Второй — Мир Костей. Будда Фэнда, царь Эмицзяла, бодхисатва Дамин — боги суда, они живут там. Ну а в третьем мире живет лишь один бог — бог конца, царь Наланьцзянань.

— О? А как называется третий мир?

— Ничто.

— Последние три этажа посвящены одному богу? А кто его помощники?

— Ничто — значит ничто. Увидите — поймете.

Они поднимались этаж за этажом, людей становилось все меньше. На пятом этаже Созрхахань остановился у маленькой статуи. Вэй Чи внимательно присмотрелся — в отличие от главных божеств, эти статуи выглядели как живые люди, с улыбками и гневом на лицах.

— Почему он так похож на вас? — удивился Вэй Чи.

Созрхахань улыбнулся:

— Это бодхисатва Намуэ, покровитель лекарств.

Вэй Чи помолчал, затем опустился на колени на матрас:

— Этому я обязательно поклонюсь!

Созрхахань тихо рассмеялся:

— Верите, что он вас защитит?

Вэй Чи, не отрывая взгляда от сладкой улыбки бодхисатвы, прошептал:

— Нет. — Затем обернулся и спросил: — А вы?

Соэрхахань и Вэй Чи встретились взглядами и рассмеялись.

— Я... тоже нет.

Соэрхахань поднял Вэй Чи, достал из кармана его накидки зернышко и бросил в сосуд.

— Не думал, что у живого Будды есть своя статуя. Неудивительно, что монах сказал, что я — одно из существ и должен надеть накидку, а вам не нужно. Ха-ха, я тогда и не догадался. Если этот бодхисатва может переродиться в вас, то и главные боги могут? — Вэй Чи посмотрел на Будду Фэнда в центре зала — тот держал меч, а его тело наполовину было телом ящерицы.

— Боги — нет. Они — «один-три», то есть имеют три образа, но не имеют трех духов. Поэтому люди могут лишь почитать их, но не дерзают тревожить молитвами.

— Понял! Вот почему богов тринадцать тысяч триста, а не тридцать три тысячи триста!

— Умница!

После шестого этажа медные двери преградили путь. Дальше начинался третий мир — Ничто.

Не мир Ничто, а просто Ничто.

— Хотите взглянуть? — спросил Соэрхахань.

— Разумеется! — кивнул Вэй Чи.

Двери не были закрыты, но, когда Соэрхахань толкнул их, они издали глухой рокот. Что значит Ничто? Вэй Чи смотрел на извилистую лестницу, пытаясь разгадать загадку, но затем безмятежно улыбнулся — видимо, это можно понять, лишь увидев своими глазами.

<http://bllate.org/book/21780/2252238>